

АЛЕКСАНДР БЕЛЕНЬКИЙ

МАРИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б43

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Оформление обложки: *Владислав Воронин*
Иллюстрация *Агаты Арутюнян*

Беленький, Александр Гедальевич
Б43 Мари / Александр Беленький.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 253 [1] с.— (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-109422-5

Александр Беленький — преподаватель английского языка, переводчик, спортивный обозреватель газет «Советский спорт», «Спорт день за днем», «Спорт-Экспресс», телекомментатор на каналах «Россия-1», «Спорт», «Боец», «Матч ТВ». Известный блогер — более 500 000 читателей на сайте «Коммерсантъ».

«Мари» – история, которая могла произойти только в Париже. История мимолетной любви, о которой не забыть никогда.

© Александр Беленький, текст, 2018
© Агата Арутюнян, ил., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Мне надо было удивить Париж. Точнее, пару парижан. Моего приятеля и компаньона, с которым мы тогда занимались бизнесом на французской одежде, и его дочь. А чем я мог их удивить в середине бедных, страшных и веселых 90-х? Что у меня было, чего у них не было?

Я вспомнил, как один бывший спортивный чиновник, много разъезжавший по зарубежью еще в советские времена, рассказывал мне, как в глухие 70-е продавал по ночам черную икру в нью-йоркские рестораны по три тысячи долларов за килограмм, и подумал, что лучше икры ничего не придумаю. Тем более, что за последний год несколько раз был в Париже и знал, что икру там днем с огнем не сыщешь.

По-моему, я купил ее в duty-free в аэропорту, а может, как-то протащил, уже не помню. Надеюсь, теперь меня за это не расстреляют. А если расстре-

ляют, то потом не повесят. Помню, что икры было две банки, и, когда приехал, я эти банки выложил на стол, чувствуя себя как непрощенный и неожиданный родственник из глухой провинции, который привез ненужные, как и он сам, подгнившие в дороге фрукты-овощи.

Однако я попал в яблочко, по крайней мере, с отцом. У Эжена глаза загорелись алчным огнем, а Женни скривила идеально очерченные полные и очень взрослые губы и сказала...

Я не знаю, как я понял, что она сказала, так как французского не знал ни тогда, ни сейчас. Правда, научился неплохо понимать во время своих поездок, но тут я не расшифровывал никаких корней, я просто нутром почувствовал значение сказанных слов — по интонации, хлесткой, как звук выстрела или удар кнута, и абсолютно недетской. Эжен смутился и осторожно спросил меня по-английски:

— Ты понял, что она сказала?

— Что этой икрой вы отметите мой отъезд?

— Да, извини. Ей скоро двенадцать, подростковый возраст, ты понимаешь. Она и со мной так разговаривает.

Из самых лучших побуждений он безбожно врал: с ним она так не разговаривала. Но меня это не слишком волновало. Я понял, что лучше мне

будет здесь особо не задерживаться, а пока уходить из дома пораньше, а приходить попозже. Так как это и так соответствовало моим планам, то я не очень огорчился. Сидеть в Париже дома с приятелем и его задиристой дочкой-подростком казалось мне верхом идиотизма.

Я тогда догуливал свою молодость. Точнее, гулял ее, когда она уже прошла. Настоящая молодость была почти полностью истрачена на большие и пустые любви к девушкам, которые не стоили не то что любви, а даже подходов к себе. Правда, все были на редкость красивы, и я тогда не без туповатой гордости думал, что хоть в чем-то обставил всех своих однокашников. Если не количественно, так качественно.

В те давние годы мне было чуть за тридцать, в чем я никак не мог признаться даже себе, а тем более другим, и говорил, что мне двадцать семь. И надо было внимательно следить за тем, чтобы не сказать это тем, кто меня знал в двадцать восемь и в двадцать девять, потому что эти цифры, когда они были актуальны, меня не пугали, и я тогда честно говорил, сколько мне лет, а в тридцать мне стало двадцать семь, и уже какое-то время мой возраст не менялся. Бывают в жизни и такие чудеса. Ну, как у одной героини Лермонтова из «Княгини

Лиговской», которой лет семь подряд было то ли семнадцать, то ли восемнадцать или что-то в этом роде.

Эжен и Женни, кстати, знали, сколько мне, но понятно, что меня это не волновало. Они к моей стремительно убегающей молодости не имели ни малейшего отношения.

С Эженом мы познакомились, когда мне было двадцать шесть и, соответственно, мне еще нечего было скрывать, тем более, что в этом относительно юном возрасте я был заместителем директора не самого мелкого СП, которых тогда в Москве развелось, как тараканов. Как я им оказался — это отдельная малоинтересная история. Если вкратце, то я сам это называл тогда попыткой стать генералом вражеской армии, и вовсе не для того, чтобы потом с ней напасть на армию собственную и разгромить ее. Ровно наоборот. Родную армию я хотел таким образом обезопасить. А если попроще — то я полагал, что только бизнес даст мне необходимую независимость от всего и от всех, которая с самого детства была моей главной целью.

Наверное, это у нас с Эженом, который со своей внешностью влюбленного в детей учителя младших классов в мире бизнеса смотрелся несколько странно, было общее, и не случайно у нас с ним

обнаружился еще и общий интерес к искусству, с чего, собственно, и началась наша дружба, и здесь мне удалось поразить его целых два раза. Сначала знанием коллекции Лувра, а потом тем, что при этом я там никогда не был. Мы сидели в кафе в большом московском отеле, на реконструкцию которого наше СП и пыталось получить подряд. Когда я сказал ему, что никогда не был не то что в Лувре, а даже в Париже и во всей Франции, Эжен был просто в шоке. Сидел, смотрел на меня и хлопал глазами. «Но этого не может быть! — все повторял он. — Не может быть! Ты говоришь о Лувре так, как будто исходил его вдоль и поперек!»

В ответ я рассказал ему историю о каком-то шпионе, уже даже не помню чьем, который по своей легенде происходил из деревни в глубокой провинции той страны, куда его заслали. Так вот, он знал все о каждом доме и каждом проживавшем там человеке, при том что сам там никогда не был.

На Эжена это не произвело никакого впечатления. «Это не то, это профессиональная подготовка, — сказал он, — ты же ничего этого не учил специально».

Нынешние поколения этого не поймут, а в своем я был совсем не уникален. Мы изучали и обожали

Европу издали, даже не надеясь когда-либо туда попасть. Внутренний мир во многом заменял нам находившийся под запретом внешний, если он выходил за пределы нашей чудесной родины. У меня тогда было много знакомых со знаниями в области искусства, далеко превосходившими мои собственные. Правда, они все были намного старше меня и гораздо дольше ездили по миру, который весь был внутри их умных и одиноких голов.

Через полгода я перестал быть заместителем директора СП, потому что мне было противно вместе с моими коллегами отечественного производства, сплошь бывшими комсомольскими работниками, обкрадывать наших западных компаньонов, в том числе и Эжена, который первым понял, что не туда влез. К сожалению, это его не спасло. Как это часто бывает, он вылез из одной авантюры только для того, чтобы влезть в другую. Через несколько лет он во что-то еще более неудачно вложил деньги и разорился в дым, а теперь, в том числе и с моей помощью, пытался хоть что-то вернуть.

Однако еще в пору его благополучия я успел съездить к нему в огромный, построенный по замысловатому японскому проекту дом на берегу озера. В тот приезд я и познакомился с Женни. Ей было тогда восемь, и она сочла меня веселой живой

игрушкой, с которой и проиграла все время, что я был дома, и я в упор не понимал, почему она так изменила ко мне отношение сейчас. Ну, изменила — и изменила. Какое дело может быть взрослому здоровому мужику, догуливающему молодость, до отношения к нему маленькой девочки? Вот мне и не было.

Знал бы я, что меня ждало.

Мы с Эженом тогда вели переговоры с одной довольно крупной фирмой — производителем одежды. Общаться приходилось с омерзительной стервой, которая потом очень грамотно обманула нас с поставкой, что полностью похерило наш бизнес и привело к цепной реакции, в конце которой я оказался счастливым обладателем ношенных штанов с дырявыми карманами и сумасшедших долгов. А пока эта тварь торговалась, как цыган, продающий краденого коня и при этом считающий, что у него уйма времени, так как он ускакал далеко от тех мест, где его позаимствовал. И вот он стоит перед тобой, улыбаясь тебе в шестьдесят четыре зуба, и нагло задирает цену. Только эта дрянь еще и не улыбалась.

Я собирался обшлепать все дела за пару дней, а остальную неделю провести в Париже, шляясь по очереди по музеям и девушкам, по музеям днем,

а по девушкам вечером, что представлялось мне абсолютно идеальным времяпрепровождением, а тут приходилось ездить и уламывать эту смотрящую на тебя, как на кусок дерьма, вечно прищуренную мерзкую злобную бабу, которая в ответ на любое твое самое разумное предложение выдыхала тебе в лицо нешуточный шмоток дыма и говорила: “No way” (Ни за что).

Между прочим, хоть ей и было примерно столько лет, сколько мне сейчас, она была очень красивая, высокая, подтянутая и по-молодежному стройная. Из тех француженок, что выглядят так, как будто не вылезают из спортзала, хотя никогда там не были. К тому же безупречно одевалась, как правило, во что-то черно-белое, что очень шло ей в целом, а особенно к хитро уложенным на маленькой голове абсолютно черным волосам. Может быть, и крашеным, но явно повторявшим натуральный цвет. Однако эротична она при всем при этом была, как шлагбаум, причем опущенный тебе на голову. Чтобы как-то снять напряжение, я постоянно ее изображал так, что смеялся не только Эжен, но даже Женни, которая меня во всех других случаях никак не баловала своей благосклонностью. Но ничего не помогало. Общение с этой бабой действовало на меня настолько гнетуще,

что после наших пламенных встреч я пару раз, вместо того чтобы отправиться по девкам и музеям, приезжал домой к Эжену, где меня планомерно изводила уже Женни. Так я оказался зажат между двумя стервами, большой и маленькой.

Если на тряпичной фирме меня очень по-французски презирали за то, что для своего рождения я выбрал не ту страну, то Женни, если не говорила какую-то гадость, реагировала на меня, как на пустое место. Я входил в гостиную, где она смотрела телевизор, и она даже не поворачивала головы. А самое неприятное, что игнорировала она меня не демонстративно, а совершенно искренне.

Иногда она выходила из своей комнаты в одних минимальных трусиках и шла через весь коридор в ванную. Слава тебе Господи, что во мне нет ничего от Гумберта, иначе я сошел бы с ума. Она была высокая для своих лет, длинноногая, с уже прорезавшейся хорошей женской фигурой. Такая натянутая струна, едва начавшая округляться в нужных местах.

У нее было очень красивое слегка вытянутое лицо, с невероятно точно прорисованными крупными чертами, и пухлые губы, о которых я уже говорил, так как о них невозможно было не сказать; и это лицо было старше тела лет на десять. Именно

так. Это было даже не лицо девушки лет семнадцати, а скорее, где-то двадцати двух, а то и двадцати пяти. По фотографии я бы столько ей и дал. Большие серо-зеленые глаза жестко смотрели на тебя из-под ресниц, таких длинных и пышных, как будто они были накрашены. Такой взгляд часто называют оценивающим. Может быть и так, но я бы еще добавил, что при этом было ясно, что лично тебя эти глаза оценили в медный грош. И тот ломаный.

Ну а венчала все это копна очень густых и очень тонких темных волос длиной где-то до плеч, через которые нитями пробегали отдельные совсем светлые волоски, придававшие ей какой-то роскошно-ведьмачий вид. Да, еще Женни была немного похожа на Мари Лафоре в расцвете лет, а с годами обещала стать еще более похожей. В общем, она была красавица, причем утонченная. В какой-то момент я к своему ужасу поймал себя на том, что прикидывал, сколько мне будет лет, когда она войдет в полностью половозрелый и уголовно ненаказуемый возраст.

Эжен, обожавший свою дочь с самого рождения настолько, что фактически дал ей свое имя, по-моему, не очень понимал, что растет у него под боком. Большой вины его в этом не было. От-

цам дочерей положено быть идиотами. К тому же, когда он был рядом, она почти всегда, за редким исключением, как в том случае с икрой, вполне убедительно прикидывалась маленькой девочкой. Эжен настолько на это повелся, что каждый вечер вынуждал меня совершать один и тот же обряд: мы шли прощаться с ней на ночь, от чего я каждый раз пытался откосить, потому что чувствовал себя ужасно неловко. Эта маленькая стервочка мгновенно меняла выражение лица в зависимости от того, смотрел на нее отец или нет. Стоило ему отвести глаза, как тут же ее взгляд становился очень взрослым и весело-сучьим, и она как бы невзначай откидывала одеяло, показывая, что спит голый. Я даже заметил, что она продукт позднего созревания, так как у нее еще не начали расти лобковые волосы. По крайней мере мне, старавшемуся не смотреть, так показалось.

Когда я в очередной раз попытался не пойти прощаться с Женни на ночь, я что-то сказал Эжену о том, что его дочь все время очень сознательно пытается меня смутить.

— Ну, что ты, — ответил он, поразив меня в очередной раз все тем же вечным и беспросветным отцовским идиотизмом, — она же еще совсем ребенок.

Ага, ребенок, такая же, как я — Ричард Львиное Сердце. И тут Эжен озадачил меня еще раз:

— Ты знаешь, — сказал он, — меня очень беспокоит одна вещь. Если ей нравится мальчик, она впадает в какой-то ступор, просто теряет дар речи.

Тут настала моя очередь быть идиотом, и я сказал:

— Что-то я на себе этого не заметил.

Эжен улыбнулся самой тонкой французской улыбкой и сказал:

— Ты не мальчик.

И еще не нравлюсь ей, добавил я про себя. Все-таки почему-то меня это огорчало.

Через пару дней мне показалось, что я понял, о чем он говорил. Мы в тот день провели самый тяжелый раунд переговоров с той Большой Стервой и вышли из здания фирмы все обвешанные продымленными по-way'ями, как соплями, после чего Эжен поехал куда-то еще по каким-то делам, а я отправился к нему домой, так как эта баба измотала меня и морально, и физически, и уже не в первый раз сил у меня больше ни на что не было. Ни на прогулки по прекрасному весеннему Парижу, ни на музеи, ни на девушек.

Женни открыла мне дверь так, как ее открывают опостылевшей свекрови, с которой уже месяц

не разговаривают. То есть просто отвернула ручку или ключ, уж не помню, что там было, и ушла. Распахнул дверь я сам, а когда вошел, в прихожей ее уже не было.

Я повесил куртку и прошел в гостиную. Женни сидела перед телевизором и смотрела «Красотку» с Джулией Робертс и Ричардом Гиром, а я стал смотреть на нее. Да, это было зрелище. Боюсь, я слишком явно пялился на нее, но она все равно не обращала на меня ни малейшего внимания. Я вызывал у нее примерно такой же интерес, как десять лет простоявшая в углу пыльная тумбочка.

Глаза у Женни были как у ягненка, приносимого в жертву, но при этом преисполненного своей великой миссией, прямо дочь Иеффая, и до краев наполнены не вылившимися слезами. В какой-то момент я увидел, что она слово в слово произносит каждую следующую реплику Джулии Робертс до того, как та ее скажет. Больше всего меня удивляло, что она меня совершенно не стесняется. Видимо, я польстил себе, решив, что в ее глазах я был тумбочкой. Я был просто пустым местом. Впрочем, тумбочки тоже не стесняются.

Глаза у Женни были влажными и наливались все больше. Наконец, внутренние источники переполнили их, как дожди реки перед наводне-